

— Икарос?!

Хотя Вермут и предупреждала, что тот может быть жив, увидеть его собственной персоной... Водка ошарашенно уставился на воскресшего мертвеца.

— Он правда живой? Но братец... ты ведь лично его прикончил?

Договорив, он тут же прикусил язык, сообразив, что это прозвучало как сомнение в способностях Джина. Водка поспешил было оправдаться, но быстро понял, что Джину на его лепет плевать. Тот стоял неподвижно, мертвой хваткой вперившись взглядом в человека напротив. Весь остальной мир для него просто перестал существовать.

Прошло несколько лет, но даже в этой мешковатой, явно чужой одежде, посреди заброшенных, тонущих во тьме трущоб, Икарос оставался прежним. Он всё так же ослеплял своей неземной, почти порочной красотой, но в то же время удивительно гармонично сливался с окружающим мраком.

Кадзума же не обращал на них внимания — всё его внимание было приковано к Эле. Израненная девушка, не выдержав наплыва эмоций, лишилась чувств. Он бесцеремонно пихнул парящую в воздухе Систему в её сторону, требовательно зыркнув: «Живо спасай её!»

[Должен ли я напоминать, что карты навыков может использовать исключительно Игрок? На других персонажей они не распространяются. Да и вообще, на этом аккаунте у тебя нет исцеляющих карт.]

Кадзума досадно цыкнул.

Поняв, что прикинуться дурачком не выйдет, он нехотя обратился к Системе через мысленную связь:

«Помнится, ты сам говорил, что в отличие от ключевых сюжетных персонажей, второстепенные генерируются случайно. И если такой персонаж умирает, то это навсегда».

[И-и?]

«А значит, — Кадзума посмотрел на парящую тварь. Две пары абсолютно одинаковых, чистых и лишенных каких-либо человеческих чувств малиновых глаз встретились. Человек продолжил: — Системные ограничения игры на них почти не распространяются».

«Следовательно, Эла чисто теоретически способна принять эффект моей карты».

[Звучит логично. Но позволь повторить: у тебя нет карт лечения.]

«... К чёрту компенсацию за баг! Просто вытащи её с того света! Или я накатаю на тебя жалобу в техподдержку!»

Система скорчила рожицу — его маленький рот сложился в издевательскую букву «w», а глаза сузились в хитрые полумесяцы. На его морде засияла настолько мерзкая, глумливая ухмылка, что Кадзуме нестерпимо захотелось отвесить этому паразиту смачный, от всей души подзатыльник.

[Ху-ху-ху! Ну раз уж ты сам заговорил об этом, мне даже как-то неудобно отказывать... Но...]

Кадзума прищурился, нутром чуя подвох. С этой жестянкой ухо всегда нужно держать востро.

«Но что?»

Белобрысая нечеловеческая тварь широко разинула пасть и выдала:

[Дага котовару! Одно из величайших удовольствий для меня, Системы — сказать решительное «нет» Игроку, который возомнил, будто держит ситуацию под контролем! Гхы-ы-ы! Перестань! Хватит меня бить!]

«Убирайся, придурок! Где Хомура-чан, когда она так нужна?! Срочно утилизируйте этого недоноска!»

Разъярённый Кадзума принялся раздавать Системе яростные щелбаны. Белая тушка летала из стороны в сторону, вереща во всю глотку и моля о пощаде:

[А-а-а! Понял-понял! Прекрати! Я сейчас же заблокирую её показатель здоровья на минимальной отметке!]

Только тогда Кадзума наконец перевёл дух.

«Хотя погодите-ка... Сначала он обещал компенсацию, а теперь заставил меня добровольно от неё отказаться. Эта сволочь же всё просчитала с самого начала!»

Ладно, хоть Система и полный кретин, нахватавшийся идиотских мемов на просторах Сети, своё дело он сделал — Эла пока не умрёт. Кадзума перевёл взгляд на Джина.

Вся его перепалка с Системой проходила по мысленному каналу — проще говоря, во внутреннем чате. Для Джина и Водки это выглядело так, будто парень завис на пару секунд, глядя на Элу, а потом принялся остервенело колотить воздух невидимыми щелбанами.

Но Кадзума даже не думал выходить из себя из-за изувеченной девушки, как того ожидал Водка. Напротив, он широко, развязно улыбнулся и задорно крикнул Джину:

— Эй, напарник! Столько лет не виделись! Где же наши трогательные, полные слёз объятия?

Вместо объятий Джин ответил фирменным «гостеприимством» — в лоб Кадзуме полетела пуля.

Тот уклонился играючи, без малейших усилий. Картинно надув губы, но сияя весёлыми искрами в глазах, он запричитал:

— Ну зачем же так грубо? Я ведь буквально из могилы ради тебя восстал. Мог бы и похвалить за старания!

[Танцор под градом пуль]

[Условие получения: гача-призыв]

[Эффект: шанс уклонения от огнестрельного оружия увеличен на 50%]

[Описание: бафф, предоставленный неким безымянным любителем топиться в реках. Позволяет устроить пикник прямо во время ожесточённой перестрелки.]

Кадзума мысленно ликовал. Какое же счастье, что во время прошлого прохождения он спустил все накопленные очки до последнего цента ради этой лимитированной карточки. В мирах с запредельной концентрацией магии или боевых искусств от неё не было бы никакого толку, но здесь, где главным аргументом в спорах оставался старый добрый свинец, она была бесценна.

Конечно, если тебя прижмут к стене, намертво схватив за горло, и выстрелят прямо в упор в сердце — тут и боги не спасут.

Джин прекрасно знал, что стрелять в Икароса, когда тот разгуливает под пулями как по бульвару — пустая трата времени. Он мгновенно убрал пистолет в кобуру и, резко оттолкнувшись от мокрой земли, рванул в атаку.

Пусть его длинные волосы, тяжёлое чёрное пальто и пристрастие к огнестрелу создавали иллюзию уязвимого стрелка, любого, кто пытался сойтись с Джином в ближнем бою, уже давно присыпали землёй на кладбище.

Этот человек был идеальным убийцей с полностью прокачанными боевыми навыками — прирождённый палач. Каждый удар целил в уязвимые точки: глаза, нос, виски. При его внушительном росте и нечеловеческой силе каждое столкновение казалось Кадзуме ударом разогнавшегося грузовика, готового досрочно отправить его на встречу с предками. Приходилось изворачиваться, гасить инерцию и перенаправлять чужие выпады за счёт гибкости.

Но Джин дрался всё неистовее. Игнорируя раненую ведущую руку, он нападал с яростью змеи, намертво вцепившейся в добычу. Кадзума заблокировал очередной сокрушительный удар кулака, но чудовищный импульс выбил из его груди глухой стон, заставив позорно отступить на несколько шагов назад.

Дождь понемногу стихал. В полумраке тесного переулочка их влажные волосы прилипли к лицам. Тёмно-зелёные глаза Джина хищно поблескивали во тьме, источая концентрированную, леденящую кровь жажду убийства.

В Организации ходили слухи, будто Икарос — один из немногих, кто умудрялся уживаться с Джинном. Но сам Кадзума прекрасно знал правду: Джин хотел прикончить его с самой первой секунды их знакомства. Всё их «мирное сосуществование» сводилось лишь к тому, что в его присутствии Джин угрюмо молчал.

Причину этой ненависти Кадзума так и не разгадал. В итоге он списал всё на простую истину: некоторые люди физически не способны переносить чужое существование.

— Эй, полегче, приятель! — рассмеялся он, уворачиваясь от очередного выпада. — Твой напор меня пугает. Вообще-то я предпочитаю инициативе пассивность!

Джин проигнорировал этот бред и снова выбросил кулак вперёд. Кадзума уклонился и продолжил паясничать:

— Ну потише, потише! Побереги мою шкурку!

Наблюдавший за этим Водка мысленно прижал руку к лицу. Икарос в своём репертуаре. Ещё во времена службы в Организации он постоянно нёс подобную ересь в адрес Джина и Рая. Когда Кьянти впервые увидела такое, она решила, что этот парень — бесстрашный безумец, решивший приударить за двумя самыми опасными хладнокровными убийцами разом. Позже выяснилось, что ему просто нравилось дразнить этих угрюмых красавцев. Но даже зная это, никто не мог отделаться от ощущения, что у Икароса напрочь отсутствует инстинкт самосохранения.

Впрочем, очень скоро Водке стало не до скепсиса.

Как говорится, паны дерутся — у холопов чубы трещат.

Скорость соперников была запредельной, обычный человек видел лишь смазанные силуэты. За доли секунды они успевали обменяться серией смертоносных ударов. Окружающее пространство ходило ходуном, казалось, дряхлые стены заброшек вот-вот рухнут им на головы. Водка даже отпрянуть не успел, как Кадзума, уходя от атаки, резко отлетел назад и впечатал локоть ему прямо в лицо. Раздался хруст ломающихся хрящей. Водка взвыл, хватаясь за разбитый нос, из которого хлынула горячая кровь, но не успел он даже согнуться от боли, как на них коршуном налетел Джин с сокрушительным ударом ноги с разворота.

Кадзума мгновенно присел. Удар Джина пришёлся в ветхую кирпичную стену — та с грохотом осыпалась. Обломки кирпичей и цементная крошка градом рухнули прямо на многострадальную голову Водки. Тот лишь жалко пискнул и замертво повалился на землю, потеряв сознание.

«Любопытство сгубило кошку... — пронеслось в угасающем сознании Водки. — Братец, ну почему ты вечно забываешь о моём существовании, когда заводишься?!»

О безумии Икароса в бою слагали легенды, но Джин в ярости был ничуть не лучше. Большинство его противников погибали от первой же пули, так и не успев пробудить в нём этого зверя.

Однако сейчас перед ним стоял человек с феноменальной живучестью, которого он жаждал разорвать голыми руками. А Кадзума ко всему прочему откровенно пакостил, намеренно маневрируя так, чтобы подставлять под удары несчастного Водку. Итог оказался закономерен.

На лице Кадзумы блуждала беззаботная улыбка, но внутри у него всё сжималось от паники. Перед глазами всплыло новое системное оповещение:

****[Текущий показатель выносливости: 0]****

****[Штрафные эффекты]****

****[- Скорость передвижения снижена на 20%]****

****[- Ловкость снижена на 20%]****

****[- Сила снижена на 20%]****

****[Рекомендация: срочно найдите место для отдыха!]****

Нулевая выносливость означала, что каждые несколько часов на него будут накладываться новые дебаффы. Лезть в пекло в таком состоянии было верхом глупости, но отступить он не мог.

Этой секундной заминки Джину хватило с лихвой. Он мертвой хваткой вцепился в раненую руку Кадзумы, рванул на себя и, схватив за волосы, со всей силы впечатал его лицом в кирпичную кладку.

Раздался глухой стук, за ним второй. В глазах Кадзумы потемнело, сознание поплыло, а по лицу заструилась горячая кровь.

Сквозь кровавую пелену он разглядел застывшую маску лица Джина. Тот смотрел на него в упор, не мигая. Эти несколько секунд безмолвного противостояния показались вечностью. Они смотрели друг на друга бесчисленное множество раз, но так и не смогли соприкоснуться душами, оставаясь бесконечно далёкими.

Кадзуме вспомнилась его смерть в первом цикле.

Тогда, умирая, он даже не мог открыть глаза. Разум угасал. И лишь позже, когда Система сгенерировала финальную CG-сцену, Кадзума смог увидеть всё со стороны, находясь в безопасном пространстве Системы.

Пуля пробила грудную клетку, дыхание становилось всё более прерывистым, жизнь неумолимо покидала тело. Но Джин почему-то продолжал стоять рядом. С абсолютно бесстрастным лицом он опустился на колени и медленно протянул руку к шее умирающего. Кадзума думал, что тот просто хочет нащупать пульс на сонной артерии, чтобы убедиться в его кончине, но холодные пальцы начали медленно, но верно сжиматься.

И при этом Джин ни на миг не отвёл взгляда. В его глазах застыла первобытная, пугающая страсть хищника. Когда на записи этот взгляд совпал с ракурсом виртуальной камеры, Кадзума, стоя в стерильно-белом пространстве Системы, почувствовал, как по спине пробежал мороз. Ему показалось, что Джин сквозь пиксели монитора пожирает саму его суть.

Джин никогда не запоминал лица своих жертв. Он не тратил время на тех, кто гарантированно мёртв, и уж тем более не стал бы душить того, кто и так испускает дух.

Но тогда он держал руку на его горле до самого конца.

Кадзума прекрасно понимал, что напарник жаждет его смерти, но даже для него это было слишком. Сколько же в этом человеке было... нет, не ненависти. Неприятия.

Кто-то уверял, что Джин его ненавидел. Но Кадзума знал: даже «ненависть» — слишком близкое, слишком интимное чувство для такого человека, как Джин. Для него это было бы почти эквивалентом любви.

Джин не любил его и не ненавидел. Он просто не мог смириться с самим фактом существования Икароса на этой земле.

— Почему ты меня так сильно презираешь? — не удержался от вопроса Кадзума.

Не мог же Джин при первой их встрече обладать даром предвидения и сразу распознать в нём наглую, жирную крысу.

Джин одарил его взглядом, полным ледяного презрения, в котором читалось: «Ты окончательно лишился рассудка?» Было дико слышать подобные расспросы от человека, которого только что приложили головой о стену.

Кадзума и не ждал ответа. Он тихо рассмеялся. Его тело мелко задрожало, смех становился громче, пока не перерос в безудержный хохот.

Он смеялся до слёз. На его бледных щеках выступил лихорадочный, болезненный румянец. Наклонившись ближе, он вкрадчиво, почти нежно прошептал:

— Скажи... когда ты убьёшь меня, тебе будут сниться сладкие сны?

— Нет, — Джин, чьё лицо обычно выражало либо холодное равнодушие, либо глухой гнев, вдруг криво усмехнулся. Он впился взглядом в глаза Кадзумы. — Мне не снились сны. Напротив, я спал безмятежно. Так хорошо, как никогда в жизни.

Лишив Икароса жизни, он забрал его тело, закопал под полом своего дома и впервые за долгие годы заснул крепким, спокойным сном.

И именно тогда он окончательно осознал...

Джин выдохнул с каким-то странным, почти умиротворенным облегчением:

— Икарос. Тебе действительно лучше оставаться мёртвым.

Зрачки Кадзумы сузились. На его лбу вздулись вены. Резким, отточенным движением он перехватил запястье Джина и выкрутил его. Раздался мерзкий, заставивший заскрежетать зубами хруст костей. Пользуясь секундным замешательством врага, парень совершил затажной прыжок назад, разрывая дистанцию.

Жажда убийства, хлынувшая от Джина в то мгновение, была настолько плотной и осязаемой, что у Кадзумы невольно зашевелились волосы на затылке. Инстинкт самосохранения буквально кричал об опасности. Не среагируй он вовремя, его бы снова отправили смотреть красивый финальный ролик в белую комнату Системы.

В ушах стоял непрерывный гул, но Кадзума заставил себя натянуть привычную легкомысленную маску:

— Ну-ну, полегче. Ты же у нас образцовый сотрудник «Винного завода». Неужели опять пойдёшь против воли господина Ворона?

Ещё во время первого прохождения он понял, что приказ Босса относительно него гласил: «взять живым».

Кадзума не знал мотивов старика. Возможно, тот хотел разузнать побольше о «Стиксе», стоявшем за его спиной, или преследовал иные цели.

Джин с сухим щелчком вернул вывихнутый сустав на место. Лицо его не выражало ни капли боли.

— Если я убил тебя однажды, то убью снова. Хоть второй, хоть третий, хоть десятый раз.

«Ого. Выходит, в его системе ценностей моя смерть стоит выше приказов Босса и лояльности Черной организации? Я прямо-таки польщён».

Джин снова бросился вперед. Кадзума неуклюже покатился по мокрой земле, уходя от траектории удара, но стальные пальцы вновь настигли его, сдавив израненное запястье. Дикая боль пронзила руку, заставив тело содрогнуться. Преодолевая её, Кадзума безумно расхохотался и нагло подался вперёд, мертвой хваткой обхватив Джина за плечи.

Убийца на секунду замешкался от этой абсурдной выходки, но тут же раскусил замысел противника. Его рука скользнула к горлу Кадзумы — он намеревался повторить сценарий их прошлой встречи.

Кадзума даже не удивился. За время совместной работы он успел заметить, что Джин при всей своей холодности страдал от своеобразной эмоциональной деструкции: когда дело касалось конкретной дичи, он терял всякую осторожность. И эта одержимость была его единственной слабостью.

В этот момент за спиной Джина покачнулась окровавленная фигура Элы. С её ранениями подняться было физически невозможно, но она встала, словно сжигая последние крохи жизненных сил. В её тусклом взгляде горело безумное, отчаянное пламя.

Издав хриплый крик, девушка рванулась вперёд и повисла на шее Джина, фиксируя его мертвым захватом. Кадзума среагировал мгновенно: выхватив спрятанный в её рукаве короткий клинок, он свободной рукой полоснул Джина по горлу.

Визг тормозов разорвал тишину переулка. Всё шло по плану: Хиромицу Морофуси подоспел вовремя.

Джин мощным рывком стряхнул с себя обоих нападавших. Обессиленная Эла отлетела назад, и Кадзума бросился ловить её, бережно прижимая к себе.

Продолжать бой не имело смысла. Даже в такой безнадёжной ситуации Джин ухитрился уклониться от смертельного удара клинка — лезвие лишь глубоко рассекло кожу. Раненый зверь опасен вдвойне, и Кадзума не собирался рисковать жизнью ради сомнительного шанса добить его. Сейчас важнее всего было спасти Элу.

К тому же, этот мир — лишь масштабная игра. Ради баланса и развития сюжета разработчики никогда бы не позволили ключевому антагонисту вроде Джина бесславно погибнуть в неизвестном тупике. У него наверняка стоял пассивный бафф на бессмертие при падении здоровья до критической отметки.

Небо на востоке начало светлеть. Им всем нужно было убираться отсюда как можно скорее. Кадзума бросил последний взгляд на переулок. Залитый кровью серебряноволосый мужчина зажимал рану на шее, не отрывая взгляда от беглецов. В его зелёных глазах не отражалось ни капли боли — лишь звериный, леденящий душу оскал раненого хищника.

Картина один в один повторяла смерть Кадзумы из прошлого цикла, только теперь они поменялись ролями.

Он тихо рассмеялся и бросил на прощание:

— Передавай привет своему пернатому боссу.

Развернувшись, он поволок бесчувственную, истекающую кровью Элу к выходу из подворотни.

Добравшись до припаркованного на обочине автомобиля, Кадзума аккуратно устроил девушку на заднем сиденье и крикнул Хиромицу, сидевшему за рулём:

— Гони! Эле срочно нужна медицинская помощь!

Система лишь временно заблокировала её жизненные показатели, не давая шкале здоровья опуститься до нуля. То, что она смогла прийти в себя и удержать Джина, было настоящим чудом, совершённым на чистом упрямстве.

Сейчас сознание Элы угасало. Без вмешательства Системы она бы давно испустила дух. И всё же, из последних сил, она цеплялась за реальность, во все глаза глядя на Кадзуму.

Даже со следами чужой крови на лице его облик, овеянный баффом «Сияющий лик», оставался безупречным. Эла, уже не надеявшаяся увидеть его живым, чувствовала, как горло сдавливают слёзы. Она хотела сказать так много, но слова застревали в груди.

Кадзума заговорил первым, не дожидаясь её расспросов:

— Прости меня.

Она удивлённо приоткрыла рот.

Парень отвёл взгляд в сторону. Эла прекрасно знала эту его привычку — так он скрывал крайнее смущение.

— Перед концом первого цикла я предчувствовал неладное и поспешил упрятать тебя в глуши. Я самонадеянно решил, что так будет лучше. Думал, отсидишься в безопасности пару лет, пока

Чёрная организация не рухнет, а потом вернёшься к нормальной жизни.

Он вздохнул.

— Я был идиотом.

Кадзума повернулся к ней и очень серьёзно добавил:

— Ты ведь не домашняя птица, готовая всю жизнь провести в золотой клетке.

В своё время он обратил на неё внимание именно потому, что во время облавы Чёрной организации она, рискуя собой, выводила детей из-под удара.

Он хотел дать ей выбор, подарить свободу, а в итоге из эгоистичного страха за её жизнь сам же запер её в четырёх стенах.

Но Эла не сломалась. Она сделала собственный, взрослый и осознанный выбор.

— Ты действительно потрясающая, Эла.

Девушка долго смотрела на него круглыми от удивления глазами, а затем слабо, облегчённо улыбнулась:

— Только сейчас заметил? Поздно! Я больше не твоя подчинённая, так что командовать мной у тебя не выйдет.

— Это даже к лучшему, — мягко ответил он. — Шестёрки мне без надобности. А вот друг бы не помешал.

— Подлизываешься... Но всё равно... спасибо тебе.

«Спасибо, мой друг».

Элу благополучно доставили в подпольную клинику к проверенному врачу — место было надёжным, лишних вопросов там не задавали. Кадзуме тоже наложили несколько швов и обработали ссадины. Смертельно уставший, он мечтал лишь об одном — добраться до безопасного убежища и провалиться в сон.

По дороге в клинику он сидел сзади, чтобы придерживать Элу, но теперь пересел на переднее пассажирское сиденье.

Стоило ему захлопнуть дверцу, как Хиромицу Морофуси снял очки и с мягкой, слегка укоризненной усмешкой произнёс:

— Ну надо же, какие люди. Рад встрече, господин Кадзума Арааки. Помнится, кто-то клятвенно заверял меня, что ни за что не умрёт?

Кадзума включил дурака без секундного колебания:

— Ой, надо же! Кажется, у меня внезапная амнезия! Кто это был? Понятия не имею, кошмар какой-то!

— А я ведь, кажется, задолжал тебе пару ужинов?

— Опа! Память мгновенно вернулась! Настоящее медицинское чудо!

— Ха-ха, — Хиромицу не выдержал и негромко рассмеялся. — А ты совсем не изменился.

Его улыбка угасла, сменившись тёплой грустью.

— Всё так же паясничаешь, когда не знаешь, как себя вести. Тебе это совершенно не идёт.

—...

Кадзума перестал кривляться. Его лицо мгновенно утратило всякое выражение, а розовые глаза стали холодными и безжизненными, напоминая стеклянные пуговицы плюшевой игрушки — безупречно красивые, но пугающие своей пустотой.

Однако Хиромицу это не оттолкнуло. Он лишь медленно протянул руку и нежно коснулся его ледяной щеки.

— Кадзума...

В этом тихом шёпоте, в глубине его синих глаз крылось столько невысказанного, что перехватило дыхание. Вся гамма чувств — от былой обиды до безграничной преданности — была сосредоточена в этом взгляде. Эти холодные, как океанские глубины, глаза сейчас обжигали Кадзуму изнутри, заставляя затрепетать каждую клеточку тела.

Такое выражение лица совершенно не шло Хиромицу. В отличие от самого Кадзумы, Морофуси был по-настоящему чистым, ранимым, но невероятно сильным человеком. Такие люди должны искренне улыбаться под ярким солнцем, а не прозябать во тьме криминального мира.

Кадзума всегда так думал.

Но когда Хиромицу крепко, до боли прижал его к себе, он не стал сопротивляться.

<http://bllate.org/book/18335/1760471>